

М.В. ДОМОГОСОВ

Стихотворения

М.В. Ломоносов

Стихотворения

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1985

Р1
Л75

Составление, предисловие и примечания
Е. Н. Лебедева

Оформление **И. Гирель**

Л $\frac{4803010101-222}{М-105(03)84}$ 222—84

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Имя М. В. Ломоносова пользуется всенародной любовью и глубоким уважением как имя, составляющее в ряду других великих имен мировую славу русской культуры. Но... «в минуту жизни трудную» или «в полном чувстве Бытия» сегодняшний читатель, знакомый с нашей поэтической классикой, обращается все-таки не к Ломоносову, а к Пушкину, Тютчеву, Лермонтову, Некрасову, Фету... И это понятно. Ведь больше двух веков прошло. Во многом устарел язык. Непривычною кажется манера. Забыты конкретные события, вдохновлявшие поэта. Адресаты стихотворений также мало кому известны.

Нынче, если заходит речь о поэзии Ломоносова, чаще всего вспоминают «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Гениальные строки из «Вечернего размышления»:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна,—

зачастую знают только потому, что их произносит Кулигин в «Грозе». Припоминают еще, что Ломоносов «героев славой вечной» был восхищен больше, чем «нежностью сердечной». Вот, пожалуй, и все, что могут процитировать сегодня широкие круги любителей российской словесности из поэта, которого Белинский назвал «отцом русской поэзии».

Между тем в XVIII веке оды Ломоносова гремели на всю Россию, и не было равнодушных среди его читателей. Русские сердца бились учащенно при звуке ломоносовских ямбов. А какие споры разгорались тогда вокруг поэзии Ломоносова! Одни неистово ее громили и зло пародировали. Другие столь же неистово ее про-

славляли и пытались ей подражать. Однако, как это довольно часто бывает с современниками гения, они и в недовольстве и в восхищении своим были чересчур пристрастны, чересчур подвержены господствующим взглядам на поэзию.

XVIII век требовал от поэтов прежде всего строгого соблюдения «правил», предписанных теоретиками каждому литературному жанру, а также неукоснительного следования непререкаемым «образцам» (знаменитый «принцип авторитета» в искусстве классицизма). Критики обрушивались на такие ломоносовские выражения, как «священный ужас», «пламенные звуки» и т. п., считая их противоестественными, алогичными, «неправильными». Апологеты, приняв поэзию Ломоносова за недостижимый образец великолепия, пышности, громкости, слепо копировали эти ее качества в своем творчестве. Но и те и другие оставили без внимания главный (нравственный) урок, преподанный им русским писателям и читателям...

Обращаясь к молодым научным силам России, Ломоносов писал: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия (т. е. Декарта.—Е. Л.), Ньютона не почитайте. Если же вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашею». Но не только в науке Ломоносов признавал неповторимость, принципиальную новизну своего дела. Он и в поэтическом творчестве исходил из самобытности того содержания, которое ему предстояло воплотить. Так, во вступлении к поэме «Петр Великий» (1761) Ломоносов открыто поставил под сомнение принцип слепого следования «образцам»:

Хотя вослед иду Virгилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров...
За кем же я пойду? Вслед подвига Петровым
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы,
Что первый пел дела такого человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талант,
Однако скажут все: я был судьбой избран.

Это в известном смысле итоговые стихи. Они были написаны Ломоносовым за три года до смерти. Но са-

мая мысль о том, что новым духовным ценностям, обретенным Россией на рубеже XVII—XVIII веков, не было «довольного примеру» ни в русской, ни в мировой литературе,— эта мысль неразлучна с Ломоносовым в продолжение всего его творческого пути. За двадцать лет до поэмы о Петре, сразу же по своем возвращении из Германии, где он обучался естественным наукам, Ломоносов писал: «Сколь трудно полагать основания! Ведь при этом мы должны как бы одним взглядом охватывать совокупность всех вещей, чтобы нигде не встретилось противоположений... Я, однако, отваживаюсь на это...» Позднее он переводит из Овидия знаменательные строки, столь созвучные своему духовному состоянию:

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!

Ощущение мощи своего духа, который в состоянии «одним взглядом охватывать совокупность всех вещей», ясное понимание самобытности того дела, которое он намерен воспеть, сознание абсолютной новизны тех истин, которые открыты его внутреннему взору,— именно с этим входил Ломоносов в поэзию, именно это он пронес в своих стихах через всю жизнь и оставил потомкам. Именно это и не разглядели в нем его современники. И лишь следующее поколение русских поэтов в лице великого Державина, человека мощной и неповторимой индивидуальности, по достоинству оценило эту решающую черту ломоносовского гения:

Неподражаемый, бессмертный Ломоносов!

«Младое племя», пришедшее на смену Ломоносову, начинает свой путь в поэзии, уже зная, что не следование «правилам» и «образцам», а неподражаемость является залогом бессмертия для художника. И ведь если бы не Ломоносов, не его титанические усилия, направленные на привитие русским поэтам вкуса к самостоятельному, своеобразному мышлению, путь их, можно смело утверждать, был бы гораздо более тернистым.

Самый дебют Ломоносова в поэзии был неподражаем. Просто ошеломителен. В ту пору, когда стихотворцы в подавляющем большинстве своем еще писали силлабическими размерами, а первопроходец нового русского

стиха Тредиаковский и его немногочисленные последователи еще не могли в полной мере осознать все богатство интонационных и мелодических возможностей, которые несла с собою поэтическая реформа, зимой 1740 года из Германии в Петербургскую Академию наук пришли стихи русского студента, в литературе никому не известного:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где встр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы:
Далече дым в полях курится.

Это было как гром среди ясного неба! Один из современников Ломоносова так вспоминал о первом чтении этих стихов: «Мы были очень удивлены таким еще не бывалым в русском языке размером стихов... Все читали их, удивляясь новому размеру». Стих Ломоносова мощно вел за собою, непонятной силою увлекал в выси, от которых захватывало дух, поражал неслышанной дотоле поэтической гармонией, заставлял по-новому трепетать сердца, эстетически и нравственно отзывчивые,— ибо стих этот воплощал новый образ красоты, новый образ мира, сознание нового человека.

Многие современники Ломоносова не могли во всем размахе постичь сущность и цели коренных перемен в жизненном укладе России, происшедших в результате петровских реформ. Противники Петра с порога отвергали все начинания в этом направлении. Среди сторонников было немало людей, которые, вкусив от плода западноевропейского просвещения, слепо уверовали в культурную отсталость России, нигилистически оценивали ее прошлое и свои надежды на будущее связывали с помощью извне.

Прекрасно понимая, какой тяжелой ценой дались народу петровские реформы, будучи вместе с тем твердо уверенным, что пути назад для России заказаны, и выдвигая свою собственную программу дальнейших просветительских преобразований, Ломоносов вполне отдавал себе отчет в том, что ее выполнению «ужасные

обстоят препятствия», но оговаривался, что препятствия эти «не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!».

«Неподражаемый, бессмертный Ломоносов» показал себя одним из немногих в ту пору действительно глубоких исторических мыслителей.

Незадолго до смерти Ломоносов писал: «За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство». Россия, только что пережившая бурное время петровских преобразований, менее всего была склонна испытывать чувство «неполноценности» перед Европой. Победы русского оружия, ускоренное развитие промышленности и наук, пробуждение общественной активности самых разных слоев населения, вызванное новым отношением к человеку (оценка личности определялась не столько по происхождению, сколько по заслугам перед обществом), — все это вызывало у русских людей чувство гордости и вселяло уверенность в высоком историческом предназначении молодой России, по праву занявшей свое место в кругу «просвещенных народов» Европы. Учиться у западных соседей, безусловно, было необходимо. Но учиться — полагаясь на «свое разумие», на **свои** ресурсы, учитывая насущные потребности и внутреннюю логику **своего** развития. Только такое ученье могло быть плодотворным, ибо и сама Россия несла с собою уникальные ценности в сокровищницу мировой культуры. Не было в середине XVIII века другого поэта, который бы так же страстно, убежденно и талантливо, как Ломоносов, отстаивал в своих стихах эту истину. Наиболее глубокую и впечатляющую поэтическую трактовку ее мы находим в «Разговоре с Анакреоном» (1758—1761), который не обинуясь следует назвать художественно-философским завещанием Ломоносова.

«Бесспорных гениев, с бесспорным «новым словом» во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь», — писал Достоевский. Все многообразие творческих и человеческих устрем-

лений Ломоносова наиболее полно отразилось именно в его поэзии. С этой точки зрения никакая другая сфера ломоносовской деятельности не может соперничать с его литературным наследием. Забота о благе Родины; мучительные поиски истины; взволнованное переживание красоты и единства окружающего мира; отчаяние человека, изнемогшего в борьбе со своими врагами, преданного на бессмысленные муки, беззащитного и одинокого; радостное чувство родства с великим народом, его историей, драматической и славной, и какая-то немыслимая, прямо-таки ностальгическая тоска по будущему, ради которого и свершался его титанический гражданский и творческий подвиг...— все это нашло выражение в стихах Ломоносова, несмотря на то что русская поэзия только начиналась, литературный язык был недостаточно пластичен, а литературная теория осложняла поэтам и без того трудную задачу, пытаясь уместить необъятный духовный мир их в прокрустово ложе рационалистических правил.

Поэзия Ломоносова показывает, как глубоко проникла в духовный мир человека русская литература нового времени уже при самом своем зарождении. Гоголь писал: «Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги». Это не просто остроумная фраза: за ней стоит много существенного, насущно необходимого для понимания всего нашего дальнейшего литературного развития. Ломоносов действительно, как в предисловии, сжато и энергично выразил основные духовные проблемы (общественно-политические, нравственные, философские, психологические и пр.), которые впоследствии не смог обойти ни один большой писатель и которые, по сути дела, не утратили своей актуальности до сего дня. И хотя прошло уже больше двух веков со времени Ломоносова, это еще не значит, что стихи его устарели. Недаром о лучших из них Пушкин сказал: «Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему».

Е. Лебедев

«ВОСТОРГ ВНЕЗАПНЫЙ УМ ПЛЕНИЛ»

ОДА

блаженные памяти
государыне императрице Анне Иоанновне на победу
над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой*,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит*,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр* музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам вperi,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;

Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся*,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валяются.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы *,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрый ток на огонь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь*,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;

Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной, в последни видя зóрю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд*;
Спустись поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся*.

Не сей ли при Донских струях *
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях *
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.

Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак, Смиритель стран Казанских?*

Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.
Герою молвил тут Герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герон в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Бонится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их*
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль русская ужасна сила.

Вливаясь в понт, Дунай ревет
И россов плеску отвечает;
Ярясь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.

Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на русский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попраля,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;

Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадѳв.
Пред роской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вѳдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы*,
Где Вислы ток, где славный Рен*,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.
О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порты, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?

Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах*,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярьась, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрской тать *
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.

Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Геронья,
Седми пространных морь берегов*
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот,—
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.

Между сентябрем и декабрем 1739

ОДА

на день рождения ее величества
государыни императрицы Елисаветы Петровны,
самодержицы всероссийския, 1746 года

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть нам Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.

О дочь гремящего над нами,
О мати всех племен земных,
Натура, чудная делами,
Как если таин ты своих
Меня достойным быть судила,
И если слаба мыслей сила
Проникнуть может в твой чертог,
Представь мне оную годину
И купно бег светил по чину*,
Как вышний дал нам сей залог.

Сквозь тучи бывшая печали*,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И понт в берегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены*,
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот пресветлый час:
Там круг молодой Елисаветы*
Сияют счастливы планеты,
Я слышу там природы глас.

Седя на блещущем престоле,
Составленном из твердых гор,
В пространном всех творений поле
Между стихий смиряет спор;

Сосцами реки проливает
И теми всяку тварь питает.
Зелену ризу по лугам
И по долинам расширяя,
Из уст зефирами дыхая,
С веселием вещает к нам:

«Я с вами ныне торжествую,
Мне сих часов краснее нет,
Что Героиню таковую
В сей день произвела я в свет.
В ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала счастливой знак
Надежду показать нелестну;
В пространну высоту небесну
Прилежно возведите зрак.

Се солнце бег свой пременяет
И к вам течет умножить день,
На север взор свой обращает
И оным прогоняет тень,
Являя, что Елисавета
В России усугубит света
Державой и венцем своим.
Ермий, наукам предводитель,
И Марс, на брани победитель,
Блистают совокупно с ним*.

Там муж, звездами испещренный*,
Свой светлый напрягает лук,
Диана* стрелы позлащенны
С ним мечет из прекрасных рук.
Се небо показывает ясно,
Коль то с добротами согласно
Рожденные в признаках сих:
От ней геройство с красотою
Повсюду миром и войною
Лучи пускают дней златых».

Сие предвестие природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О глав венчаных красота!

Но вяща радость восхищала
Взирающих и оживляла,
Когда даров твоих признак
Надежнее в лице открылся,
Что точно в нем изобразился
Родителей великий зрак.

В тебе прекрасный дом создали
Душе великой небеса,
Свое блистание влияли
В твои пресветлы очеса;
Лице всходящая денницы
И бодрость быстрых орлицы
И в нежнейших являлись днях;
Уже младенческие взгляды
Предвозвещали те отрады,
Что бедным нынь отъемлют страх.

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.
Так Нил смиренно протекает,
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек:
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,
Златой дает Египту век.

Как ясно солнце воссияло
Свой блеск впервые на тебя,
Уж счастье руку простирало,
Твои приятности любя,
Венец держало над главою
И возвышало пред тобою
Трофеи отческих побед,
Преславных чрез концы земные.
Коль счастлива была Россия,
Когда воззрела ты на свет!*

Тогда от радостной Полтавы
Победы Росской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенный предел,

Тогда вандалы побежденны*
Главы имели преклоненны
Еще при пеленах твоих;
Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед тобою
Падут полки потомков их*.

О сладкой нежности обитель!
О вы, блаженные места,
Где храбрый гóтов победитель
Лобзал и в очи, и в уста
Впервые плод свой вожделенный,
Свой плод, меж лаврами рожденный,
Вас оных радостных времен
Любезна память услаждает,
И оный день вам пребывает
В бессчетны веки незабвен.

Но се различные языки
От рек великих и морей
Согласные возносят клики,
К тебе, монархине своей,
Сердца и руки простирают
И многократно повторяют:
«Да здравствует Елисавет,
Для русской славы днесь рожденна,
Да будет свыше укрепленна
Чрез множество счастливых лет».

Сие гласит тебе Россия
И купно с ней наук собор.
Предведущая Уранія
Возводит к верьху быстрый взор,
Небесны беги наблюдает
И с радостию составляет
Венец тебе из новых звезд.
Тебе искусство землемерно
Пространство показать безмерно
Незнаемых желает мест.

Парящей поэзии ревность
Дела твои превознесет,
Ни гнев стихий, ни ветха древность
Похвал твоих не пресечет;

Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы,
Но всё художество свое
Тебе Иппократ посвящает
И усугубить тем желает
И век, и здравие твое.

Да будет тое невреждено,
Как верьх высокия горы
Взирает непоколебимо
Нам мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть;
Внесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

Конец 1746

ОДА

на день восшествия на всероссийский престол
ее величества государыни императрицы
Елисаветы Петровны 1747 года

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец*;
Тебя прияв обლობызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,

Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою*
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Через яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки*,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не держайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попанну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.

В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева* рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрѣз горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает*,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком*,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина*,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!

Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;

Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стучом
Поющих птиц не устрашал,

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский* через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан*;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.

Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаюсь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет*
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расщелинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают*,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,

Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною,
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Конец 1747

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудясь ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.

От светлости твоих очей
Льетса радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743(?)

**ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ
ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ**

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах*,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,—
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?

Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой,
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

«Я ЗНАК БЕССМЕРТИЯ СЕБЕ ВОЗДВИГНУЛ»

* * *

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота,
И облаком нестись, презрев земную низкость.

1747

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи зольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

1747

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело,—
Сквозь дверь он отвечал.—
Чего ты устранился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодные руки мямлю,
Я крылья и с кудрями
Досуха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то,— молвил,— лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стрéлил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко засмеялся
И тотчас заплясал.

«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал. —
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

Лишь только днёвной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

ПИСЬМО

к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплут в мир;
Надежда радостью кончается в народе;
Натура смертным всем открыла общий пир.
Созрелые плоды древа отягощают
И кажут солнечным румянец свой лучам!
И руку жадную пригожеством привлекают;
Что снят своей рукой, тот слаще плод устам.
Сие довольствие и красота всеместна
Не токмо жителям обильнейших полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечет она приятностью своей.
Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет*,
Где хитрость мастерства, преодолев природу,
Осенним дням дает весны прекрасной вид
И принуждает вверх скакать высоко воду,
Хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит.
Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнаасских гор закрыть.
Тебе приятны коль российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.
Ты, будучи в местах, где нежность обитает,
Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды,
Вспомяни, что мой покоя дух не знает,
Вспомяни мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь*;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ищу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслажусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.

18 августа 1750

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

к высокопревосходительному господину
генералу-поручику, действительному ее императорского
величества камергеру, Московского университета
куратору и орденов Белого Орла, Святого Александра
и Святых Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову,
писанное 1752 года

(Отрывок)

<...>

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огонь возжженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, зная хотя, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
Продерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал.
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курум табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея,
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?*

Не злесь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от варваров нанес,

Что предали на казнь, обнесши чародем?
 Коль много таковых примеров мы имеем,
 Что зависть, скрыв себя под святости покрыв,
 И груба ревность с ней, на правду строя ков,
 От самой древности воюют многократно,
 Чем много знания погибло невосвратно!
 Коль точно знали б мы небесные страны,
 Движение планет, течение луны,
 Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
 Не назван был в суде неистовым Гигантом,
 Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
 Круг центра своего, круг солнца обнести;
 Дерзнувшим научать, что все домашни боги
 Терпят великой труд всегдашния дороги;
 Вертится вокруг Нептун, Диана и Плутон
 И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
 И неподвижная земли богиня Веста
 К упокоению сыскать не может места.
 Под видом ложным сих почтения богов
 Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
 Боясь падения неправой оной веры,
 Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
 Дабы она, открыв величество небес
 И разность дивную неведомых чудес,
 Не показала всем, что непостижна сила
 Единого творца весь мир сей сотворила;
 Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
 Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;
 Что агньцов и волов жрецы едят напрасно;
 Сие одно, сие казалось быть опасно.
 Оттоле землю все считали посреде.
 Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
 Запутан циклами *, пока восстал Коперник,
 Презритель зависти и варварству соперник.
 В середине всех планет он солнце положил,
 Сугубое земли движение открыл.
 Одним круг центра путь всендневный совершает,
 Другим круг солнца год теченьем составляет,
 Он циклы истинной Системой растерзал
 И правду точностью явлений доказал.
 Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
 Преломленных лучей в Стекле познав законы,
 Разумной подлинно уверили весь свет,
 Коперник что учил, сомнения в том нет.

Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит кроме его такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, божий некогда описывая град,
Вечерний Августин душою веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей как здесь не отрицал,
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной католик,
Кадя златой его в костелах новых * лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ *;
Он слово божие употреблял напрасно.
В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавшие божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.

Чем меньше мы его щедрот достойны зримся,
Тем больше благодати и милости чудимся.
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны,
Поставлены творцем; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек? <...>

Декабрь 1752

СТИХИ,
СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,
когда я в 1761 году ехал просить
о подписании привилегии для академии,
быв много раз прежде за тем же

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Лето 1761

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

А н а к р е о н

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Л о м о н о с о в

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

А н а к р е о н

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,

То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Л о м о н о с о в

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоко
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

А н а к р е о н

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,

Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввести в республику порядок;
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград*,
Ножом он сам себе был смертный супостат;
Беззлобно роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой*,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборы,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,

Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затей
В подбородок умести
И кругом прекрасной шей
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышат,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображение мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Л о м о н о с о в

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,

Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плéчам волосы кудрявы
Признáком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой*;

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец.
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображенье сходно ,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать*.

Между 1758 и 1761

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ЛОМОНОСОВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

* * *

<...> Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природного нашего языка свойству; а того, что ему несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российской язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. <...>

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпа-

емое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двосложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве следуя на рифмы кончающимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радуют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет <...>, однако нежные те господа, на то несмотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскорячившись, при музыке играющего на скрипке сатира танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российской наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю *ямбическим*, которой из одних только *ямбов* состоит:

Белѣет, бѣдѣт снѣг, лицѣм.

Второй *анapestическим*, в котором только одни *анapestы* находятся:

Начертан многократнo в бегущих волнах.

Третий из *ямбов и анапестов смешенным*, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пишу себѣ червей хватать,

Четвертый *хореическим*, что одни хорей составляют:

Свѣт мой, знаю, что пылает,
Мнѣ моя не служит дѣля,

Пятой *дактилическим*, которой из единых только дактилей состоит:

Вьѣтся, кругами змиа по травѣ, обновившись в рассѣлинѣ.

Шестой из *хореев и дактилей смешенным*, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стопу:

Ежель бойтся, кто не стал бы силен безмѣрно. <...>

Третье: российские стихи красно и свойственно на *мужеские, женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы*, подобные итальянским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающіеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуда пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими: понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу на предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль на предкончаемом слоге силу имеющих слов находится: то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту

оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, ходулях* следующих мужеских: *восток, высок* были? по моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетоваться могут, как и немецкие. Понеже мы *мужеские, женские и тригласные* рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы употребляет, сочетание и премешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. <...>

*Из «Письма о правилах
русского стихотворства»* (1739)*

* * *

<...> Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. <...>

Из «Краткого руководства к красноречию» (1748)

* * *

Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным, и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, неупрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием

вникнет, со мною согласится. Карл пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка.<...> Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом троении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь изображающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лутче сказать, едва пределы имеющее море.<...>

Из «Российской грамматики» (1755)

* * *

<...>Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени, высокой, посредственной и низкой. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверза, господень, насажденны, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах,

например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля, высокой, посредственной и низкой. Первой составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих речениях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средней штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную ревность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание над-

лежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля. <...>

Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварской крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургской швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся. Ибо хотя разделены от нас иноплёменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, которой весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польской, не взирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимира до нашего века, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время. <...>

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оногo без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. <...>

*Из «Предисловия о пользе книг церковных
в российском языке»* (1758)*

II. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЛОМОНОСОВЕ

Г. Р. Державин (1743—1816)

К портрету Ломоносова

Се Пиндар, Цицерон, Виргилий — слава Россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих лишь где черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром.

А. Н. Радищев (1749—1802)

Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому всесильному нельзя отнять от тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя.

К. Н. Батюшков (1787—1855)

Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу; Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам.

А. С. Пушкин (1799—1837)

* * *

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружа-

ет махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Отрок

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям!

* * *

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом.

Н. В. Гоголь (1809—1852)

Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги.

В. Г. Белинский (1811—1848)

* * *

С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим.

* * *

Имя основателя и отца русской литературы и поэзии по праву принадлежит этому великому человеку. Натура по преимуществу практическая, он был рожден реформатором и основателем.

Ф. И. Тютчев (1803—1873)

...Да, велико его значение —
Он, верный русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему,—

Как тот борец ветхозаветный*,
Который с силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Ф. М. Достоевский (1821—1881)

Беспорных гениев, с бесспорным «новым словом»
во всей литературе нашей было всего только три:
Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь.

Н. А. Некрасов (1821—1878)

...Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Там уж поприще широко —
Знай работай да не трусь.
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание стихотворений Ломоносова преследует своей целью познакомить юного читателя с основными произведениями зачинателя русской поэзии. Первая часть книжки состоит из трех «похвальных» и двух «духовных» од Ломоносова. Во вторую часть вошли стихотворения разных жанров с разной тематикой. В «Приложениях» даются отрывки из теоретических работ Ломоносова, в которых сформулированы фундаментальные положения его стихотворной реформы и учения о «трех штилях». Сюда же включены высказывания о Ломоносове наших выдающихся писателей — Державина, Радищева, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Белинского, Тютчева, Достоевского, Некрасова.

Стихотворные тексты печатаются по изданию: Ломоносов М. В. Избранные произведения. М.—Л., Сов. писатель, 1965. (Б-ка поэта. Большая серия); отрывки в прозе — по изданию: Ломоносов М. В. Сочинения. М., Гослитиздат, 1957.

1. «ВОСТОРГ ВНЕЗАПНЫЙ УМ ПЛЕНИЛ»

Ода... на взятие Хотина 1739 года.— Написана в связи со взятием 19 августа 1739 г. русскими войсками турецкой крепости Хотин в Молдавии. Известие об этой победе застало Ломоносова в Германии, куда он был послан Академией наук учиться горному делу. Помимо занятий по академическому плану студент Ломоносов много трудился в литературной области. К середине августа 1739 г. он уже сделал несколько стихотворных переводов, а также в основном закончил работу над «Письмом о правилах российского стихотворства» (см. «Приложения»). «Ода на взятие Хотина» была приложена Ломоносовым к «Письму» в качестве художественного примера нового стихотворства и отослана в Российское собрание при Академии наук, которое занималось вопросами русского языка, литературы, научного и художественного перевода (о впечатлении, произведенном в Петербурге «хотинской» одой, см. вступ. статью). Глубокую и проникновенную оценку этой оде (не только литературную, но и историко-философскую) дал в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев: «Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышащие, изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадое стремящегося воображения по непреложному пути в доказательство, с другими купно, послужило, что когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он к славе идет не одною тропинкою, но многими стезями вдруг». Белинский считал, что новая русская литература началась именно с «Оды на взятие Хотина».

Верх горы высокой...— Парнас (см. Словарь мифологических и географических названий и устаревших слов).

Ключ молчит...— имеется в виду Кастальский ключ (см. Словарь).

Чистых сестр...— то есть муз (см. Словарь).

К российской силе так стремятся, || Кругом объехав, тьмы татар...— В начале хотинского сражения русские войска со всех сторон были окружены неприятелем.

Род отверженной рабы...— «агаряне» (см. Словарь).

За Тигр, Стамбул, своих заграбь...— то есть: Стамбул, уведи свои войска за реку Тигр.

Магметов стыд...— имеется в виду позорное бегство турок (магометан по вероисповеданию).

Герой открылся...— Петр I.

При Донских струях...— подразумевается Азовский поход Петра в 1696 г.

Персы в жаждущих степях...— имеется в виду Персидский поход русских войск в 1722 г.; ср. этот стих со строкой из пушкинского «Анчара»: «Природа жаждущих степей...»

Смиритель стран Казанских...— Иван Грозный, покоривший Казань и Астрахань (ср. далее: «Каспийски воды...»).

Луна стыдилась сраму их...— полумесяц — символическое обозначение Турции.

Взошли и там оливы...— то есть: мир наступил и там.

Где Вислы ток, где славный Рен...— Ломоносов намекает на взятие русскими Данцига (города на Висле) в 1734 г. и продвижение их к Рейну (Рену) в том же году, что побудило Францию ускорить подписание мира с союзницей России Австрией.

В Китайских чтут ее стенах...— 28 апреля 1732 г. в Россию прибыло китайское посольство, заверившее Анну Иоанновну в дружеских отношениях Китая к России.

Заднестрской тать...— живущий за Днестром (татарский) грабитель.

Седми пространных морь...— семи морей, омывающих Россию: Мурманского (Баренцева), Белого, Балтийского, Камчатского (Охотского), Черного, Каспийского и Азовского.

Ода на день рождения... Елисаветы Петровны... 1746 года.— Приурочена к 37-летию со дня рождения императрицы. С приходом Елисаветы Петровны к власти (ноябрь 1742 г.) позиции «немецкой партии» при дворе заметно ослабли. Еще в царствование Анны Иоанновны, при которой полновластным правителем России был ее фаворит Бирон, русские придворные возлагали большие надежды на Елизавету. Ее

называли «искрой Петра Великого». Взойдя на престол, Елизавета Петровна приблизила к себе русских, отменила смертную казнь (что имело немаловажное воздействие на ее окружение в условиях, когда память о зверствах Бирона еще была свежа). К моменту написания оды исполнилось пять лет пребывания Елизаветы у власти. В 1746 г. Ломоносов стал «профессором химии», то есть действительным членом Академии наук; после неоднократных представлений Ломоносова в том же году была открыта под его началом первая в России химическая лаборатория. Он был полон самых радужных надежд на «щедроты» и благосклонность императрицы к развитию русской науки. Отсюда — оптимистическая настроенность, уверенно-радостная интонация всего стихотворения.

И купно бег светил по чину...— В Петербургской Академии наук, как, впрочем, во всех европейских академиях, ученые (астрономы, физики, математики) помимо научной работы занимались еще и астрологией, предсказывая монархам и придворным их судьбу по движению планет. Далее (начиная со слов: «Се солнце бег свой прменяет...») Ломоносов очень тонко обыгрывает астральную символику в чисто просветительских целях, пытаясь внушить Елизавете мысль о том, что процветание государства зависит от развития наук.

Тучи бывшия печали...— имеется в виду скорбь об умершем Петре.

Страшны россам перемены...— подразумеваются дворцовые перевороты, предшествовавшие воцарению Елизаветы и последовавшие сразу после смерти Петра.

Круг младой Елисаветы...— вокруг «младой Елисаветы».

Ермий, наукам предводитель, || И Марс, на брани победитель, || Блещут совокупно с ним...— то есть: планеты Меркурий (Ермий) и Марс вместе с Солнцем. Сам Ломоносов к этим словам сделал такое примечание: «Во время рождения ея императорского величества планеты Меркурий и Марс стояли в одном знаке с солнцем». Но это только материал для создания поэтического образа. Образ же говорит о том, что слава (Солнце) и военная мощь (Марс) государства непосредственно связаны с развитием наук (Ермий).

Муж, звездами испещренный... Диана...— «Луна тогда стояла в созвездии Стрельца»,— поясняет Ломоносов. Этот факт служит ему поводом для создания аллегорической картины: Геройство (созвездие Стрелец) и Красота (богиня Диана) через посредство войны (Стрелец) и мира (Диана) испускают «лучи» (стрелы) благоденствия («дней златых») на Россию.

Когда воззрела ты на свет!— Елизавета родилась в год Полтавской победы (1709).

Вандалы побеждены...— имеются в виду шведы.

Падут полки потомков их.— В войне 1741—1743 гг., уже при Елизавете, шведы потерпели поражение.

Ода на день восшествия... Елисаветы Петровны 1747 года.— В 1747 г. правительство Елизаветы увеличило ассигнования на академические нужды. Пожалуй, лишь в «хотинской» оде лирический «восторг» может сравниться по силе и искренности с эмоциональным подъемом оды 1747 г. Дело здесь, конечно же, не в частичном улучшении академического бюджета самом по себе. Дело в том, что этот факт дал Ломоносову возможность воспеть самую задушевную его идею — идею высокой национально-государственной и нравственной пользы наук. Ода 1747 года по праву является одним из самых популярных поэтических произведений Ломоносова. Как по тематике (Родина, науки, прославление «тишины», мира), так и по художественной отделке это стихотворение не имеет себе подобных в одической поэзии того времени.

Войне поставила конец...— Война со шведами 1741—1743 гг. закончилась несколько месяцев спустя после коронации Елизаветы.

Когда ты крест несла рукою...— Ломоносов напоминает Елизавете о том, как начался дворцовый переворот 25 ноября 1741 г., приведший ее к власти («Петрова дочь» вышла к преображенцам с крестом в руке и привела их к присяге как государыня).

Пламенные звуки...— метафорическое определение войны.

Сомненная Нева...— Нева как бы не узнает своих берегов в том месте, где вырос Петербург.

Монарх к себе их призывает...— Задумав основать Академию наук, Петр вел переговоры с крупнейшими учеными Европы (Лейбницем, Вольфом и др.) в целях привлечения их в Россию.

Завистливым отторжен роком...— имеется в виду смерть Петра.

Кроткая Екатерина...— Екатерина I, вдова Петра. При ней 27 декабря 1725 г. была открыта Петербургская Академия наук.

Колумб российский...— Ломоносов имеет в виду одного из руководителей так называемой Второй Камчатской экспедиции А. И. Чирикова.

Там, тьмою островов посеян, || Реке подобен Океан...— Предполагают, что Ломоносов говорит здесь о Курильских островах и Курильском течении, проходящем с севера на юг вдоль берегов Камчатки, Курильских островов к северным берегам Японии.

И се Минерва ударяет...— аллегорическая картина проникновения науки (мудрой Минервы) в тайную сокровищницу природы, олицетворяемую далее в образе Плутона; в 1745 г. на Урале было открыто первое коренное месторождение золота, положившее начало его промышленной добыче.

Науки юношей питают...— эта строфа является вольной поэтичес-

ской разработкой темы, заимствованной из речи Цицерона «В защиту поэта Архия».

Утреннее размышление о божием величестве.— Среди ученых существует мнение, что эти стихи излагают научную трактовку физических процессов, происходящих на Солнце. Естественна научная основа поэтического образа здесь очевидна. Однако было бы неверно считать, что «Утреннее размышление» является рифмованным трактатом по физике Солнца. Научная картина солнечной активности с самого начала «растворена» в эмоции поэта: здесь мы имеем дело не с научным изложением определенной концепции, но именно с лирическим переживанием истины: «Когда бы смертным толь высоко || Возможно было взлететь...» Поэту одиноко на той высоте, на которую он поднялся силою своей фантазии. Он хочет поделиться со всеми людьми тайной, пока что доступной только ему. По Ломоносову, быть человеком в полном смысле слова значит быть творцом, приумножающим красоту и богатство окружающего мира, стремящегося в исчерпывающей полноте постичь мир и себя в нем. По сути дела, эти стихи говорят о необходимости «божия величества» в каждом человеке.

Вечернее размышление о божием величестве...— Здесь так же, как в «Утреннем размышлении», научная проблема (физическая природа северных сияний) служит только поводом для взволнованного поэтического монолога о «чудесах натуры» и не менее взволнованного диалога с представителями «книжной» науки, чьи умозрительные гипотезы Ломоносов разбивает, опираясь не на формальную логику, а на логику самого явления, на те характеристики полярных сияний, которыми их наделяет природа и которые не соответствуют «смутным грезам вымыслов» кабинетных ученых: именно этим определяется пафос строк, обращенных к ним,— «О вы, которых быстрый зрак...» и т. д.

Песчинка как в морских волнах...— вся эта строфа оказала заметное влияние на поэтов последующих поколений. Так, например, Батюшков в стихотворении «К другу» (1815) пишет: «Как в воздухе перо кружится здесь и там, || Как в вихре тонкий прах летает, || Как судно без руля стремится по волнам || И вечно пристани не знает,— || Так ум мой посреди сомнений погибал». Точно так же многие строки знаменитых «ночных» стихотворений Тютчева, в которых человек стоит «лицом к лицу пред пропастью темной» с «умом упраздненным» и «мыслью осиротелой» были бы, пожалуй, невозможны в XIX в., если бы в XVIII в. Ломоносов уже не сказал: «Так я, в сей бездне углублен, || Теряюсь, мыслями утомлен!» (ср. еще тютчевское: «В душе своей, как в бездне, погружен...»).

II. «Я ЗНАК БЕССМЕРТИЯ СЕБЕ ВОЗДВИНУЛ»

«Устами движет бог; я с ним начну вещать...» — стихотворение является переложением отрывка из 15-й (заключительной) книги «Метаморфоз» Овидия, где великий греческий философ и математик Пифагор излагает свое учение о вечном единстве мира, о бессмертии человеческого духа.

«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» — перевод оды Горация. После Ломоносова к этой оде обращались Державин и Пушкин (в XX в. — Брюсов).

«Ночною темнотою...» — перевод стихотворения, приписываемого Анакреону. Тема этого стихотворения была популярной у многих русских поэтов от Державина до Блока.

«Лишь только дневной шум замолк...» — переложение одной из басен Лафонтена.

Письмо к... Ивану Ивановичу Шувалову. — Относится к началу знакомства Ломоносова с «мecenатом».

Цейлон и в севере цветет... — Ломоносов говорит здесь об оранжевых дворца в Царском Селе.

Меж стен и при огне... — имеется в виду работа Ломоносова по изготовлению цветных стекол в химической лаборатории; Ломоносов провел более 4000 (!) опытов, прежде чем открыл секрет производства рубинового стекла.

Письмо о пользе Стекла. — Выдающийся образец европейской философско-дидактической поэзии XVIII в. В помещенном здесь отрывке из поэмы рассказывается о борьбе ученых с врагами истины — церковниками и разного рода лицемерами. Стекло здесь выступает не только как материал для изготовления оптических приборов, но и как вернейший путь к постижению истины, не искаженной, не загрязненной ни предрассудками, ни алчностью, ни людской злобой.

Не свергла ль в пазубу наука Прометей?... Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес...? — попытка Ломоносова (в строгом соответствии с темой произведения) объяснить миф о Прометее с просвети-

тельских позиций, представив легендарного титана первым ученым древнего мира.

Запутан циклами...— По системе Птолемея, принятой средневековыми учеными, планеты двигались вокруг Земли по орбитам (кругам, циклам), называемым «дифферентами»; кроме того, каждая планета двигалась по дифференту не прямо, а вокруг него, как бы обволакивая, опутывая эту свою большую орбиту по особому кругу — эпициклу.

В костелах новых...— то есть в католических храмах, основанных испанцами в Латинской Америке.

Коль много Августин в сем мнении неправ...— ср. ироническое обыгрывание этой строки в «Евгении Онегине»: «Защитник вольности и прав || В сем случае совсем неправ».

Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф...— оригинальное переложение стихотворения «К цикаде», приписывавшегося Анакреону (две последние строки добавлены Ломоносовым от себя). Редкий по искренности чувства усталости, даже изнеможения человеческий документ, показывающий, какой ценой давались Ломоносову его победы в борьбе за русскую науку.

Разговор с Анакреоном.— Итоговое произведение Ломоносова; нравственно-философский смысл его заключается не в подчинении личного начала общественному, а в органическом, даже радостном приобщении части к целому¹.

Зерном твой отнял дух приятной винограда...— Анакреон умер, подавившись зерном винограда.

Мастер в живописстве первой...— Апеллес.

Первой в нашей стороне...— Предполагают, что Ломоносов имеет в виду Ф. С. Рокотова.

Брови выведи дугой, что кажет после туч покой...— Образ радуги помимо портретной функции выполняет здесь и важную смысловую роль: он «подготавливает» заключительную тему всего произведения — тему мира (радуга как символ прекращения военной грозы).

Повели войнам престать.— То есть прекрати войны (намек на Семилетнюю войну, в которой Россия участвовала с 1756 по 1763 г.).

¹ Подробнее об этом см. в моей книге «Огонь — его родитель» (М., 1976, с. 187—201)

Стр. 62.— В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов развивает и углубляет основные положения «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» (1735) В. К. Тредиаковского — работы, в которой впервые была высказана мысль о настоящей необходимости реформировать русское стихосложение, до тех пор покоившееся на силлабической системе, проникшей в Россию из Польши. Тредиаковский исходил из того, что «способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков». Он справедливо считал силлабические стихи «не прямыми стихами», называл их «прозаическими строчками», подчеркивая, таким образом, что они чужды мелодическому строю русского языка. Взамен принципа одной лишь равносложности, на котором была основана силлабическая система, Тредиаковский вводил требование слагать стихи «равномерными двусложными стопами», иными словами: утверждал такой способ сложения стихов, который учитывал правильное чередование ударных и безударных слогов. Однако реформа Тредиаковского была половинчатой (он считал возможным употребление только длинных размеров — по преимуществу семистопных хореев; ограничивал рифмовку только женскими окончаниями и т. п.). Ломоносов своим «Письмом» и последующей поэтической практикой доказал, что русский язык позволяет писать не одним хореем, но и ямбом, и анапестом, и дактилем, и сочетаниями этих размеров, что русский язык позволяет применять не только женские рифмы, но также и мужские, и дактилические, позволяет чередовать их в самой разной последовательности. Сейчас стихотворная реформа XVIII в. по праву называется «реформой Тредиаковского — Ломоносова».

Стр. 65.— «Теория трех штилей» на многие десятилетия вперед определила развитие русского литературного языка и в основе своей не отменена и по сей день. Главными ее достоинствами являются, во-первых, сохранение в лексическом строе русского языка славянизмов и закрепление их за «высоким штилем» (возвышенные мысли и чувства как во времена Ломоносова, так и в наши дни удобнее всего выражаются при помощи архаической лексики, в основе своей старославянской) и, во-вторых, выделение среднего стилистического слоя («посредственной штиль»), опираясь на который развивалась фактически вся русская литература XIX в. Вот почему следует назвать глубоким заблуждением широко распространенное среди учащихся, студентов и некоторых преподавателей мнение, что, скажем, Карамзин и Пушкин «отменили» или «разрушили» ломоносовскую «теорию трех штилей», которая-де «сковывала» развитие литературы. Строго рассуждая,

отменить «теорию трех штилей» — значит отменить те законы, по которым развивается русский литературный язык и которые гениально были осмыслены Ломоносовым. . .

Стр. 68. *Как тот борец ветхозаветный...* — имеется в виду библейский патриарх Иаков, который однажды боролся с кем-то могущественным «до появления зари» и не был сражен; только на рассвете Иаков понял, что боролся с самим богом. Образ Ломоносова, созданный Тютчевым через это уподобление, уникален в смысле глубокого проникновения в самую суть титанической деятельности Ломоносова-просветителя: последний в буквальном смысле слова «сотворил» мир новых культурных ценностей, новых понятий, в кругу которых развивалось русское сознание впоследствии.

С Л О В А Р Ъ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

А в ф и д — река в южной Италии.

А г а р я н е (*библ. миф.*) — потомки египетской рабыни Агари, которая была наложницей древнееврейского патриарха Авраама; враждовали с иудеями; здесь: турки («род отверженной рабы»).

А к в и л о н — северный и северо-восточный ветер у древних греков.

А л е п п (Алеппо) — крупный торговый город, во времена Ломоносова принадлежавший Турции (так же, как Дамаск и Каир).

А л к и д — Геракл, главный герой древнегреческих мифов.

А л ц е й с к а я л и р а — здесь: символ древнегреческой поэзии; Алцей (или Алкей) — великий лирик, живший в VII в. до н. э. на острове Лесбос в Эгейском море.

В е с т а — римская богиня, хранительница домашнего очага.

В р а н — ворон.

Г и г а н т ы — исполинские существа в древнегреческой мифологии, олицетворявшие стихийные силы природы; потерпели поражение в своей борьбе с богами, воплощавшими разумное начало, которое привнесло порядок в мировой хаос.

Г о т ы — здесь: шведы.

Д а в н у с (Давн) — легендарный царь Апулии, римской провинции, в которой родился поэт Гораций.

Д е в я т ь с е с т р (*греч. миф.*) — музы, дочери Зевса, богини искусств и наук.

Д е л ь ф и й с к и й — относящийся к городу Дельфы, в котором находился главный храм древнегреческого бога Аполлона (Феба), покровителя поэзии.

Д е н н и ц а — утренняя заря.

Д и а н а — римская богиня Луны.

Д л я — здесь: вследствие, из-за

Е л е н ь — олесь.

Е р м и й (Гермес) — посланник богов у древних греков; покровитель странников, пастухов и торговцев; у римлян — Меркурий.

З а б о б о н ы — бредни, предрассудки.

З е в е с (Зевс) — верховное древнегреческое божество.

З е ф и р — западный ветер у древних греков.

З и ж д и т е л ь — создатель.

З р а к — взгляд; вид, внешность.

И к с и о н (*греч. миф.*) — эллин, который влюбился в Геру, жену Зевса; был за это привязан в подземном царстве к вертящемуся огненному колесу.

К а д м (*греч. миф.*) — легендарный финикийец, основатель и царь города Фивы.

К а с т а л ь с к и й — относящийся к Касталии, источнику на Парнасе, посвященному Аполлону и музам; считалось, что вода этого источника пробуждает вдохновение.

К л а с с — колосья.

Л ы в а — болотистый лес.

М а р с — римский бог войны.

М и н е р в а — римская богиня мудрости.

М р е ж и — сети.

М у р з а — восточный царедворец; здесь: военачальник.

Н а т у р а — природа.

Н е п т у н — морской бог у римлян.

Н е с в е д о м о е — неведомое.

Н и ж ё — даже, ни.

О т в е р з а т ь — открывать.

П а к и — опять, снова.

П а р н а с — горный хребет в Греции, посвященный древними греками Аполлону и музам; здесь: край вдохновения, царство поэзии.

П е р м е с с к и й — относящийся к Пермесу, реке в Греции, которая считалась источником поэтического вдохновения.

П е с т у н — наставник, воспитатель.

П и н д — горный хребет в Греции.

П л у т о н — римский бог подземного царства.

П о н е ж е — поскольку, так как.

П о н т — здесь: Черное море.

П о р т а — Турция.

П р о м е т е й (*греч. миф.*) — титан, похитивший у богов огонь и подаривший его людям; в наказание Зевс приковал его к скале, где Зевсов орел выклевывал ему печень.

Р е в н о с т ь — здесь: энтузиазм, связанный с чувством долга, ответственности.

Родская сторона — остров Родос в Эгейском море.

Рифей — Уральские горы.

Свидения — свидетельства.

Секвана — латинское название Сены; здесь: обозначение Парижа.

Сила — здесь: ударение.

Уrania — муза астрономии.

Фивы — город, в котором жил поэт Пиндар; жители Фив осудили его за то, что он восхвалял в своих одах их врагов, афинян.

Этна — вулкан в Сицилии; эллины объясняли его извержения тем, что под ним находились в заточении побежденные богами, но не смирившиеся гиганты.

Янычары — турецкая «гвардия», отличавшаяся особой жестокостью.

ИМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ, УПОМИНАЕМЫЕ В КНИГЕ

Августин Аврелий (354—430) — христианский писатель, один из «отцов» (основателей) католической церкви.

Анакреон (ок. 570—487 до н. э.) — древнегреческий поэт, прославившийся своими любовными стихами.

Анна Иоанновна (1693—1740) — русская императрица.

Апеллес (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

Аристарх Самосский (конец IV в. — I половина III в. до н. э.) — древнегреческий астроном; учил, что Земля вращается вокруг Солнца.

Вирgiliй Публий Марон (70—19 до н. э.) — выдающийся римский поэт.

Владимир Святославич (ум. 1015) — великий князь киевский.

Гугений — Христиан Гюйгенс (1629—1695), голландский ученый.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) — русская императрица.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — русская императрица.

Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица.

Иппократ — Гиппократ (460—377 до н. э.) — основоположник античной медицины.

Калчак — комендант турецкой крепости Хотин.

Катон Младший (95—46 до н. э.) — римский государственный деятель, противник Гая Юлия Цезаря («Кесаря»).

Картезий — Рене Декарт (1596—1650), великий французский философ, ученый, писатель.

Кеплер Иоганн (1571—1630) — гениальный немецкий астроном.

Клеант (III в. до н. э.) — древнегреческий философ, противник Аристарха.

Лафонтен Жан (1621—1695) — великий французский поэт-баснописец.

Невтон — Исаак Ньютон (1643—1727), великий английский физик.

О в и д и й П у б л и й Н а з о н (43 до н. э.— 17 н. э.) — знаменитый римский поэт; стихи его отличались виртуозным мастерством («приятным витийством»).

П и н д а р (518 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт; в европейской поэзии XVII—XVIII вв. считался образцом для подражания в жанре оды.

П л а т о н (427—347 до н. э.) — великий древнегреческий мыслитель, основоположник философского идеализма.

П т о л е м е й К л а в д и й (I половина II в.) — греческий астроном, математик и физик.

Р и х м а н Г е о р г и й - В и л ь г е л ь м (1711—1753) — физик, профессор Петербургской Академии наук, коллега Ломоносова; погиб, проводя эксперимент по изучению атмосферного электричества.

Р о к о т о в Ф е д о р С т е п а н о в и ч (1735—1808) — знаменитый художник-портретист.

С е л и м — турецкий султан Сулейман II (ум. 1566).

С е н е к а Л у ц и й А н н е й (4 до н. э.— 65 н. э.) — римский философ-стоик, политический деятель, писатель.

Ф р а н к л и н Б е н д ж а м и н (1706—1790) — выдающийся американский ученый и политический деятель.

Ц и ц е р о н М а р к Т у л л и й (106—43 до н. э.) — римский политический деятель и писатель, великий оратор.

Ч и р и к о в А л е к с е й И л ь и ч (1703—1748) — капитан-командор, мореплаватель, исследователь Сибири и Дальнего Востока.

Ш у в а л о в И в а н И в а н о в и ч (1727—1797) — камергер, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, куратор Московского университета.

КРАТКИЙ ХРОНОГРАФ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. В. ЛОМОНОСОВА

1711, 8 ноября¹. У крестьянина деревни Мишанинской (близ Холмогор) Василия Дорофеевича Ломоносова и его жены Елены Ивановны Сивковой родился сын Михайло; приблизительно через 8—9 лет Елена Ивановна умерла.

1722—1723. Михайло Ломоносов начинает учиться грамоте.

1730, декабрь. Ломоносов уходит с обозом в Москву продолжать учение.

1731, 15 января. Зачислен учеником в московскую Славяно-греко-латинскую академию.

1734. Некоторое время обучается в Киево-Могилянской академии; возвращается в Москву.

1735, 23 декабря. Ломоносов в числе лучших двенадцати учеников отправлен в Петербургскую Академию наук для дальнейшего обучения.

1736, 23 сентября. В числе лучших трех учеников послан за границу для изучения горного дела.

1736, ноябрь — 1741, май. Пребывание в Германии.

1739, осень — Ломоносов пишет «Оду на взятие Хотина» и «Письмо о правилах российского стихотворства».

1741, 8 июня. Возвращается в Петербург, где вскоре узнает о смерти отца, последовавшей весной того же года.

1742, 8 января. Ломоносова зачисляют в штат сотрудников Петербургской Академии наук адъюнктом физики.

1743—1744, январь. Ломоносов заканчивает работу над первым вариантом книги по ораторскому искусству «Краткое руководство к Риторике».

1745, 25 января. Пишет диссертацию «О причине теплоты и холода», в которой формулирует молекулярно-кинетическую теорию теплоты; 25 июля — утвержден профессором химии Петербургской Академии наук.

1747, январь. Заканчивает работу над расширенным вариантом книги по ораторскому искусству (напечатана в 1748 г. под названием «Краткое руководство к красноречию»).

1748, 5 июля. Ломоносов формулирует «всеобщий закон природы» — закон сохранения материи и движения; октябрь — после длительных хлопот Ломоносова построена первая в России химическая лаборатория.

¹ Даты всюду по старому стилю. Хронограф составлен с использованием данных, приводимых А. А. Морозовым (см. Ломоносов М. В. Соч. М., 1957, с. 568—573).

1750. Написана трагедия «Тамира и Селим» (1 декабря представлена при дворе).

1751. Выходит из печати «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова».

1752, 4 сентября. Закончена первая мозаичная картина Ломоносова; сентябрь — написана трагедия «Демофонт»; декабрь — сочинено «Письмо о пользе Стекла».

1753, 26 июля. Убит молнией профессор Рихман, вместе с Ломоносовым проводивший опыты по изучению атмосферного электричества; 26 ноября — Ломоносов произносит в Академическом собрании «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (где независимо от Б. Франклина излагает свою теорию атмосферного электричества).

1754, июнь — июль. Ломоносов составляет проект организации Московского университета.

1755, 26 июля. В Москве торжественно открывается университет; в этот же день Ломоносов произносит «Слово похвальное Петру Великому»; сентябрь — Ломоносов завершает работу над «Российской грамматикой».

1756. Ломоносов строит собственную мозаичную мастерскую, организует свою (домашнюю) химическую лабораторию и мастерскую оптических приборов; работает над созданием «ночезрительной трубы»; 1 июля — произносит «Слово о происхождении света».

1757, 1 марта. Ломоносова утверждают членом Академической канцелярии (высший административный орган Академии); 6 сентября — написано и произнесено «Слово о рождении металлов от трясения Земли»; написано антицерковное сатирическое стихотворение «Гимн бороде».

1757 — начало 1758. Ломоносов работает над «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке», где излагает свою теорию «трех штилей».

1758, 8 марта. Ломоносов назначен директором Географического департамента Петербургской Академии наук.

1759. Ломоносов конструирует и создает ряд навигационных приборов, сочиняет «Рассуждение о большей точности морского пути».

1760. Закончена историческая работа «Краткий российский летописец с родословием»; апрель — Ломоносова избирают почетным членом шведской Академии наук.

1760, декабрь — 1761, июль. Написаны первые две части поэмы «Петр Великий» (осталась незавершенной).

1761, 19 января. Ломоносов становится во главе академической гимназии и академического университета; 26 мая — открыл атмосферу на Венере; июнь — посылает в шведскую Академию свою работу «Мысли о происхождении ледяных гор в Северных морях»; 1 ноября — направ-

ляет И. И. Шувалову записку «О размножении и сохранении российского народа».

1758—1761. Работает над «Разговором с Анакреоном».

1763, 10 октября. Ломоносова избирают почетным членом Петербургской Академии художеств; выходит в свет книга Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел»; сочинено «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

1764, 24 января. Ломоносов направляет в Академию художеств «Идеи живописных картин из российской истории»; *апрель* — избирается членом Болонской Академии наук (за работы в области мозаичного искусства); создана мозаичная картина «Полтавская баталия».

1765, 28 января. Ломоносов в последний раз присутствует на заседании Академической канцелярии; *4 апреля* — смерть Ломоносова, через три дня — погребение на кладбище Александро-Невской лавры «при огромном стечении народа».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Лебедев. Великий сын России .</i>	3
---	---

I. «ВОСТОРГ ВНЕЗАПНЫЙ УМ ПЛЕНИЛ»

Ода... на взятие Хотина 1739 года	9
Ода на день рождения... императрицы Елисаветы Петровны... 1746 года	17
Ода на день восшествия на... престол... императрицы Елисаветы Петровны 1747 года	22
Утреннее размышление о божием величестве	29
Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния	31

II. «Я ЗНАК БЕССМЕРТИЯ СЕБЕ ВОЗДВИГНУЛ»

«Устами движет бог; я с ним начну вещать...» . . .	33
«Я знак бессмертия себе воздвигнул...»	34
«Ночною темнотою...»	35
«Лишь только днёвной шум замолк...»	37
Письмо к... Ивану Ивановичу Шувалову	38
Письмо о пользе Стекла... (Отрывок)	39
Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф... в 1761 году...	43
Разговор с Анакреоном	44

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Ломоносов о русском языке и литературе	49
II. Русские писатели о Ломоносове	56
Примечания	59
Словарь мифологических и географических названий и устаревших слов	68
Имена исторических лиц, упоминаемые в книге . . .	71
Краткий хронограф жизни и творчества М. В. Ломо- носова	73

- Ломоносов М. В.**
Л75 Стихотворения / Сост., предисл. и примеч.
Е. Н. Лебедева.— М.: Сов. Россия, 1985.— 80 с.

В книгу включены основные произведения зачинателя русской поэзии. Приложением даны отрывки из теоретических работ Ломоносова, в которых сформулированы фундаментальные положения его стихотворной реформы и учения о «трех штилях», а также высказывания наших выдающихся писателей о роли Ломоносова в развитии русской культуры.

Настоящую книгу подготовил Е. Н. Лебедев — автор книги о жизни и творчестве М. В. Ломоносова «Огонь — его родитель».

Для среднего и старшего школьного возраста.

*Для детей среднего и старшего
школьного возраста*

Михаил Васильевич Ломоносов
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор
А. И. Стройло
Художественный редактор
М. В. Таирова
Технический редактор
Р. Д. Каликштейн
Корректор
Т. А. Лебедева

ИБ № 4165

Сдано в набор 18.07.84. Подп. в печать 31.08.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,20. Усл. кр.-отт 4,52. Уч.-изд. л. 3,79. Тираж 700 000 экз. Заказ 1292. Цена 20 к. Изд. ннд. ЛД-3.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

20 к.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •

